

Хайретдинов Дамир Зинюровичкандидат исторических наук, этнолог,
ректор Московского исламского института**НИЖНИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАТЫ
В ЭТНОГЕНЕЗЕ
НИЖЕГОРОДСКИХ ТАТАР****Аннотация:**

Статья посвящена исследованию общностей, составлявших нижние этносоциальные страты, которые принимали активное участие в этногенезе нижегородских татар-мишарей (нижгар). Среди них можно выделить старожильческое население региона – неслужилых татар, посопных татар, или буртасов, а также «ясачных черемисов», под которыми автор склонен видеть один из этносов болгарского круга. Наибольшие споры в ученом сообществе вызывают исчезнувшие этнические общности: маджары, буртасы, а также бортники, которые упоминались в источниках в тесной связи с нерусскими народами.

Ключевые слова:

нижегородские татары, буртасы, маджары, болгары, ясачные черемисы, чувашы, бортники, Нижегородчина, этногенез.

Khairtdinov Damir Zinyurovich PhD in History, Ethnologist,
Rector of Moscow Islamic Institute**THE LOWER SOCIAL STRATA
IN THE ETHNOGENESIS OF
NIZHNY NOVGOROD TATARS****Summary:**

The article studies the communities that constituted the lower ethnic social strata and participated actively in the ethnogenesis of Nizhny Novgorod Mishar Tatars (Nizhghars). Among them the author distinguishes the old residents of the region – non-service class Tatars, Posop Tatars, or Burtas, and "Yasak Cheremis" that interpreted by the author as one of the Bulgarian ethnics groups. Scholars debate mostly about the extinct ethnic communities: Majars, Burtases, and Bortniks, who were mentioned in some sources in close connection with the non-Russian peoples.

Keywords:

Nizhny Novgorod Tatars, Burtas, Majars, Bulgars, "Yasak Cheremis", Chuvash, Bortnik, Nizhny Novgorod land, ethnogenesis.

Этногенез – сложное и многоплановое явление, в ходе которого происходит этническое смешение и проявляются элементы этносоциальной стратификации. Как правило, исследователи уделяют повышенное внимание описанию верхних социальных слоев того или иного этноса, субэтнической группы, племени. Действительно, аристократическая прослойка всегда оставляет заметный след в истории. Однако большая часть любого сообщества, сформировавшегося по этническим принципам, представлена, как правило, нижними стратами.

В среде нижегородских татар-мишарей (нижгар) были заметны и феодальная страта, и рядовые – служилые татары [1]. В статье представлены сведения о нижнем этносоциальном слое предков нижегородских татар, который предположительно мог составлять до 60 % всего татарского населения региона, по аналогии с другими татарскими общностями бывшего Мещерского юрта [2, с. 233].

На наш взгляд, нижний этносоциальный слой был неоднородным: в нем представлено несколько различных по происхождению групп. Собственно неслужилые татары занимали здесь более высокое положение. Как пишет С.Б. Сенюткин, «неслужилые татары на Нижегородчине начала XVII в. – явление, крайне редко упоминаемое источниками», они зафиксированы лишь в некоторых татарских селениях региона [3, с. 101, 164–165]. Вместе с тем, согласно тому же автору, населенные пункты неслужилых татар в XVI в. точно наличествовали под Арзамасом на реке Тёше, на месте нынешней деревни Кузьминка Краснооктябрьского района, в Пильнинском районе; не исключены и другие места. Тюркское население, проживавшее в них, имело сложное этническое происхождение, до сих пор неизученное. Здесь были и прямые наследники золотоордынского Мещерского юрта, и выходцы из центральных районов Золотой Орды, и переселившиеся татары из постордынских ханств. Так, Медяна, «вероятно, берет свое начало с появившихся здесь в XIV–XV вв. переселенцев из Золотой Орды»; в селе Анда Сергачского района, по устному преданию, в середине XV в. поселились выходцы из Казанского ханства [4, с. 235, 447–448]; а в Сафаджае – выходцы из местности Ак-Мечеть под Астраханью. Не исключены и доордынские элементы. Так, предание гласит, что в начале XIV в. на место нынешнего села Урга пришли выходцы из Волжской Булгарии после ее разгрома монголами (кстати, в этом селе распространён особый говор, присущий только ургинцам). К потомкам переселенцев из «города Булгар» возводят себя и жители села Чембилей [5, с. 87]. Все эти и другие тюрко-татарские группы и составили основу неслужилых татар, которые затем, в XVI–XVII вв. постепенно слились (хотя и

не до конца, как показывает пример отдельных поселений) с пришедшими сюда позднее служилыми татарами. Длительному существованию барьера между этими группами способствовало социальное неравенство («ранее проживавшим здесь татарам... приходилось становиться работниками при военно-служилых татарах» [6, с. 181]), но не этничность или конфессия.

Однако, по-видимому, здесь проживала еще более низкая в социальном плане группа тюрко-мусульманского населения, совершенно не изученная учеными. В XVII в. источники зафиксировали в Алатырском уезде, а также к югу и юго-западу от земель современной Нижегородской области (в Кадомском и Темниковском уездах) буртасов [7, с. 34]. Итак, спустя три столетия после того как этот загадочный народ исчез из письменных источников, он вновь появился – на сей раз значительно севернее, нежели в доордынскую эпоху. Буртасы XVII в., иначе называемые посопными татарами, представляли собой самую нижнюю страту татаро-мишарского субэтноса [8, с. 212–223]. Безусловно, эти буртасы не совсем идентичны тем, что отмечались в домонгольское время: сказалась и длительная тюркизация, и, вероятно, частичное изменение антропологического облика; произошла также полная трансформация хозяйственно-экономической формы жизни. Самое же главное для той эпохи – изменился социально-сословный статус тех буртасов, кто все еще не «превратился» в татар. (Не будет большим преувеличением сказать, что термин «татары» в этот период понимался не только как этнический, но и социальный, под которым подразумевалась особая страта конных воинов восточного происхождения [9, с. 178].) Так, в отличие от собственно татар – которые даже в конце XVIII в. «очень малосклонны к хлебопашеству и прочим земледельческим трудам» [10, с. 392], буртасы, напротив, должны были выплывать подать хлебом (так называемый «посоп»). По мнению И.Н. Смирнова, выделение буртасских вотчин из других инородческих земель указывает на то, что в XVII в. этот народ представлял собой еще заметный элемент в Алатырском уезде [11, с. 52, 93–94].

Кстати, Р.Г. Мухамедова замечает прямую связь между территориями расселения буртасов и нынешним ареалом цокающих мишарей [12, с. 34]. Это вполне согласуется с выводами Д.М. Исакова о том, что буртасы оказали более сильное влияние именно на сергачскую (читай – нижегородскую) группу мишарей, в то время как на темниковских (чокающих) мишарей «большее влияние оказал собственно татарский (золотоордынско-тюркский) суперстрат» [13, с. 20]. Если продолжить эти рассуждения, можно предположить, что и на территории других уездов изучаемой нами территории в XVII столетии могло иметься буртасское население. В целом же для более четкого представления об этногенезе нижегородских татар (как и других татарских субэтносов и чувашей), а также в попытках понять дальнейшие судьбы посопных буртасов интерес представляет предложенная А.М. Орловым методика сопоставительного анализа антропонимов этих этнических групп [14, с. 83–84].

По подсчетам М. Акчурина, в XVII в. буртасы – посопные татары составляли лишь 7 % от общего числа татарского населения Алатырского уезда; единичны и упоминания о них в Кадомском и Темниковском уездах [15, с. 44]. Возможно, проживавшие на данной территории искомые буртасы обозначены в источниках под своим социально-сословным именованием: бортники. Дело в том, что буртасы, помимо посопного хлеба, обязаны были собирать «медвяной оброк» [16, с. 187], а это, собственно, и есть профессиональное занятие бортников.

Можно предположить, что этноним «буртасы» связан с широким развитием среди них пчеловодства: «бурта» аналогично татарскому *мурта*, *умарта* – «пчела» (элемент этого слова остался и в русском языке, сохраняя свое исходное значение: «бортники») [17, с. 31]. В Этимологическом словаре Фасмера приводятся следующие версии [18, с. 616]. По мнению Микколы, Мещера происходит от мордовского *мешкир* – «пчеловод», от мокшанского *меш*, эрзянского *мекш* «пчела» (сравним словоупотребление: мещерские бортники). И.Д. Воронин приводит в поддержку этимологии от названия пчелы сближение названия буртас (татарское муртас, мортас, мртас) с татарским диалектным *мурта* «пчела», а также бортническую топонимику Среднеокской низменности.

Мед в прошлом имел значительный удельный вес в питании татар-мишарей, и он до сих пор применяется ими для приготовления ритуальных блюд. Сохранились предания, согласно которым предки мишарей любили заниматься бортничеством, а независимый анализ этнографов позволяет утверждать о древности этой отрасли хозяйства у данного субэтноса [19, с. 68, 184].

Когда мы читаем в документах, что в 1579 г. в поход на Ливонию были призваны кадомские князья и мурзы и казаки «с мордвою и з бортники» [20, с. 662]; что под Свияжск в 1608 г. приходили, под руководством татарских князей из Алатыря, Курмыша, Арзамаса, Темникова и Касимова, «и Мордва и бортники, и Горная Чуваша и Черемиса» [21, с. 52] – вывод о существовании в лице бортников особой этнической или этносоциальной группы напрашивается сам собой. Известно, что при проведении переписи в XVII в. в Арзамасском уезде отдельно отмечались такие группы населения, как русские феодалы, помещики-татары, мордва и бортники. Все они даже состояли в ведении разных ведомств-приказов. Обратим внимание, что бортники отнесены

Я.Е. Водарским к нерусским народностям, но при этом они четко отделяются от мордвы [22, с. 22, 108–109]. Это следует из источников: «мордва и бортники – дальние, пустовые и ясачные» [23, с. 243] всегда упоминаются отдельно, через союз «и».

В конце XVI в. в связи с Ливонской войной упоминаются бортники арзамасские и алатырские. По Разрядным книгам, в 1617 г. бортники отмечены в Арзамасе и Нижнем Новгороде [24, с. 359]; в 1630-х гг. их число было соответственно 214 и 138 человек [25, с. 167, 266, 333, 662, 729, 794, 889]. В силу неизученности этнических корней этой группы трудно определить и ее религиозную принадлежность, но складывается впечатление, что они не являлись христианами. Так, известно о существовании жалованной грамоты от 1596 г. о том, «чтобы нижегородские бортники не вступались в земли Благовещенского монастыря» [26, с. 159].

В источниках по Курмышскому уезду также упоминаются «бортные уходя» курмышских мурз и татар, а в уездном центре существовали «ясашные книги, по чему збирают ясак и посопной хлеб», то есть на этих землях также располагались посопные деревни, платящие подать хлебом [27, с. 18, 21]. Их население должно было быть привязанным к мурзам и служилым татарам, которым после 1649 г. запрещалось иметь в услужении русских крестьян. Но в Курмышском уезде эта группа населения была представлена в основном «ясашными черемисами» с числом дворов от 959 (1629–1633 гг.) до 1036 (1636 г.) [28, с. 199, 295, 360, 750].

Поскольку в конце XVI – начале XVII вв. в регионе отмечается принадлежность мордвы и черемисов к исламу [29, с. 254, 255], можно предположить, что представители этих этносов впоследствии вливались в состав татарской нации (или русской, если они принимали крещение). Это происходило потому, что, согласно дискриминационному законодательству имперского времени, сохранить ислам, оставаясь верным своей национальности, представителям этих народов было невозможно.

Но кем были ясачные «черемисы» – марийцами ли? К примеру, Д.М. Исхаков, тщательно изучивший тему ясачных «чувашей» на территории Татарстана, которые в конце XVII в. значатся уже ясачными татарами, доказал, что под этим именем в русских источниках до 1678 г. выступало болгарское население [30, с. 80–101]. Обращает на себя внимание тот факт, что население татарских сел к северу от Сергача, входивших в XVII в. в состав Курмышского уезда, отличается такой особенностью в говоре, как зоканье. По всей видимости, это – наследие какой-либо тюркской этнической группы, связанной с волжскими булгарами. В ордынский и постордынский периоды булгары, по Д.М. Исхакову, составили нижнюю социальную страту формирующейся татарской нации [31, с. 4, 29].

Марийский компонент, будь он значителен в среде нижегородских татар, был бы отслежен через этнографические особенности: марийская этнография слишком хорошо изучена и обладает ярко выраженной специфичностью, не замеченной в потомках курмышских татар. Показательно, что марийцы практически не упоминаются в монументальной монографии «Татары-мишари» среди народов, от которых мишари заимствовали какие-либо особенности культуры, быта или хозяйства, на фоне многократного упоминания там же чувашей, мордвы, русских, удмуртов и многих тюркских народов: от казанских татар и башкир до сибирских, кавказских и азиатских тюрков. При этом автор книги, один из крупнейших специалистов по мишарской этнографии, Р.Г. Мухамедова работала в числе прочих и в селах бывшего Курмышского уезда.

О практическом отсутствии в лексике каких-либо следов марийско-татарского этнического взаимодействия в нижегородском Поволжье говорит и филолог Н.Д. Русинов [32, с. 157]. Антропологически татары-мишари вообще составляют другой кластер по отношению ко всем окско-поволжским финнам – эрзя, мокше, марийцам, удмуртам, что делает несостоятельными все гипотезы дореволюционной и советской эпохи об их происхождении от восточных финнов. Следовательно, либо ясачные «черемисы» в реальности не имели отношения к марийской нации (а представляли собой некую этническую группу, родственную булгарам), либо они в основной своей массе не вошли в состав татар исследуемого нами региона.

Точные ответы на все поднятые нами вопросы могут быть получены только после проведения масштабных этнологических исследований. Пока же заметим, что в 1802 г. в числе бывших новокряшен из татар в Маклаково была обнаружена чувашская семья. «Ее глава Василий Естифеев просил разрешения обратиться в магометанскую веру, доказывая, что все другие татары – из чувашей» [33, с. 53–54]. На наш взгляд, это подтверждает тезисы относительно сел из этой округи: под «чувашами» в данном случае подразумевалась некая этническая группа болгарского круга.

Информацию об этническом смешении татар с чувашами в форме легенд приходилось слышать в среде нижегородских мишарей и Р.Г. Мухамедовой [34, с. 247]. Чувашский этнопласт предполагается, в частности, для сел Петряксы, Сафаджай [35, с. 190, 259], Базлово, Кочко-Пожарки [36, с. 172, 185]. Но при этом мы видим в источниках по Курмышскому, Арзамасскому и Алатырскому уездам (в той их части, которая составила Нижегородскую область) весьма малое

число упоминаний или полное отсутствие ясачных чувашей. Быть может, как предположил С.Б. Сенюткин, основная масса чувашей покинула эти места под напором ордынцев [37, с. 96]?

Вероятно, «чувашаи», упоминаемые в источниках и легендах нижегородских татар, – все те же болгары (точнее, один из болгарских этносов), как и в случае с территорией Татарстана, что наглядно показал Д.М. Исхаков. И тогда становится понятной следующая ремарка историка XIX в. А.Ф. Можаровского о мишарях Буинского уезда: «Эти мижерь-татары и мешчеряк-татары не сходны ни с истыми чувашами, ни с истыми татарами... хотя более близки к татарам. Не в этих ли мижерях надобно искать потомков можар?» [38, с. 5].

Идентичны ли мажары (они же можары, маджары, можеряне, мочаряне) посопным буртасам, как это предполагает Д.М. Исхаков [39, с. 212–223], или, например, ясачным «черемисам»? Несмотря на то что они в целом считаются одним из тюркских этносов, у нас есть основания считать их родственниками маджаров-венгров: значительная часть современных татарских сел имеет не тюркские названия, а родственные угорским (маджарским) [40, с. 126–127].

М.З. Хафизов сделал небольшое, но далеко идущее по своим выводам замечание относительно поселений этих этнических групп. Он считает, что «буртаские, маджарские деревни» являлись двух-, трехдворовыми [41, с. 15]. Действительно, если взять в качестве примера деревню Кишинская (Кшинская) Алатырского уезда, мы увидим, что в ней в 1620-х гг. значилось 6 буртаских и 3 мордовских двора, обитатели которых переселились сюда из деревни Старые Найманы [42]. И так, можно принять эту версию, но с оговоркой: это явление не носило стопроцентного характера. В любом случае, данная ремарка отвечает на множество вопросов: каким образом у большинства современных татарских сел Нижегородчины сохранились не тюркские, а маджарские названия; куда делись из этих сел и деревень первопоселенцы-мажары или посопные буртасы; почему жизнедеятельность этих этносов в изучаемом регионе не находит археологического подтверждения? Малочисленность буртасов и / или мажар в XVII в. привела к тому, что даже у самих служилых татар из западной Мещеры, поселявшихся в их деревнях (не говоря уже о русских источниках), практически не отложилось никаких воспоминаний об этих древних насельниках, за исключением топонимики и отдельных элементов в этнографии (музыка, родственная венгерской, медвежий промысел и прочее).

Архивные данные помогут будущим исследователям выяснить дальнейшую судьбу ясачников Нижегородчины. Вероятно, значительная часть их обрусела, особенно если они были зависимы от татарских мурз, принимавших крещение. Нельзя ли предположить, что именно эти этнические группы, занимавшие самое низкое положение в социальной иерархии Московского государства, лежат в основе населения татаро-кряшенских сел и деревень Нижегородчины, таких как Русское Маклаково, Фоминки, Абаимово, Мамешево и другие? «Выборочный подход к крещению жителей татарских селений» наводит исследователей на мысль, что за этим «скрывается этническая неоднородность жителей того или иного селения (наличие выходцев из мордвы, чувашей, черемис)» [43, с. 21]. Этого нельзя исключать, особенно в свете аналогичных гипотез, объясняющих этногенез кряшен Татарстана. По версии, которую приводит А.М. Орлов, некоторые из татаро-кряшенских сел Нижегородчины были населены мордвой [44, с. 141]. Но мы предполагаем, что ученые считали частью мордвы бортников (поскольку до сих пор никто не определил их в качестве отдельной этнической группы) и / или мажар. Вероятно, только те из ясачных людей, кто проживал непосредственно в компактном окружении собственно татар-мусульман, влились впоследствии в состав нынешних нижегородских татар. Этот вариант вполне реален: в Казанском уезде значительная часть служилых татар состояла из бывших ясачников, которые при изменении своего статуса получали поместные земли и впоследствии проживали в тех же селениях по соседству с ясачными людьми (хотя чаще отселялись в отдельные села).

Хотя отдельные представители восточно-финских народов и чувашей и смешивались с татарами, данный процесс, видимо, не имел массового характера. По мнению А.М. Орлова, окончательная татаризация всех тюркоязычных народов Мещеры (к которым он относит буртасов и мажар) и дифференциация угро-финских народов происходит на рубеже XVI–XVII вв. в связи с образованием сословия служилых татар [45, с. 16].

В заключение заметим, что в некоторых татарских селах Нижегородчины представители разных этносоциальных групп населения долгое время жили обособленно друг от друга, но в иных населенных пунктах происходило их смешение. В целом после массового крещения и дальнейшего обрусения многих мурз и, как можно предположить по аналогии с другими регионами, социальных низов [46, с. 72], а также на фоне интенсивных переселенческих процессов «промежуточная» и нижняя этносоциальные страты вступили в тесное взаимодействие и постепенно смешались между собой. В результате этого у всех оставшихся на своих землях нижегородских татар утвердилась только одна форма самосознания: «моселман» – «мусульманин». В условиях отсутствия светской элиты роль общинных лидеров перешла к абызам – религиозным деятелям,

которые интенсивно утверждали в народе исламские ценности [47]. Все этнические и сословные различия на этом фоне рано или поздно должны были отойти на задний план.

Ссылки:

1. Хайретдинов Д.З. Этнические пласты нижегородских татар // Теория и практика общественного развития. 2015. № 9.
2. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам Нового времени. Казань, 1998.
3. Сенюткин С.Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. Н. Новгород, 2001.
4. История исламских общин Нижегородской области / С.Б. Сенюткин, У.Ю. Идрисов, О.Н. Сенюткина, Ю.Н. Гусева. Н. Новгород, 1998.
5. Милли-мэдэни мирасыбыз: Тубэн Новгород = Национально-культурное наследие: Нижний Новгород. Казань ; Н. Новгород ; М., 2011.
6. Сенюткин С.Б. Указ. соч. С. 181.
7. Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. Казань, 2008.
8. Исхаков Д.М. От средневековых татар ... С. 212–223.
9. Хайретдинов Д.З. Мусульманская община Москвы в XIV – начале XX века. Н. Новгород, 2002.
10. Масленицкий Т.Г. Топографическое описание Симбирского наместничества. Б. м., 1785.
11. Смирнов И.Н. Мордва. Казань, 1895.
12. Мухамедова Р.Г. Указ. соч. С. 34.
13. Татары / отв. ред. Р.К. Уразманова, С.В. Чешко. М., 2001.
14. Орлов А.М. Нижегородские татары. Этнические корни и исторические судьбы (очерки). Н. Новгород, 2001.
15. Акчурин М. Буртасы в документах XVII века // Этнологические исследования в Татарстане / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Р.К. Уразмановой. Вып. VI. Казань, 2012. С. 43–48.
16. Документы и материалы по истории Мордовской АССР / под ред. Б.Д. Грекова. Т. 2. Саранск, 1940.
17. Хайретдинов Д.З. Буртасы // Ислам на Нижегородчине : энц. слов. / сост. и отв. ред. Д.В. Мухетдинов. Н. Новгород, 2007. С. 31.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1967.
19. Мухамедова Р.Г. Указ. соч. С. 68, 184.
20. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. III. Ч. I. М., 1984.
21. Сенюткин С.Б. Указ. соч. С. 52.
22. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в. М., 1977.
23. Разрядный приказ. Московский стол. Т. I. 1571–1634 // Акты Московского государства / под ред. Н.А. Попова. СПб., 1890.
24. Книги разрядная, по официальным оных спискам. Т. I. СПб., 1853.
25. Книги разрядная, по официальным оных спискам. Т. II. СПб., 1855.
26. Памятники церковных древностей. Нижегородская губерния // Сочинения архимандрита Макария. СПб., 1857.
27. Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа Казанского Дворца. Т. II. Симбирск, 1898.
28. Книги разрядная ... Т. II. С. 199, 295, 360, 750.
29. Сенюткин С.Б. Указ. соч. С. 254, 255.
30. Исхаков Д.М. От средневековых татар ... С. 80–101.
31. Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань, 2004.
32. Русинов Н.Д. Этническое прошлое Нижегородского Поволжья в свете лингвистики. Н. Новгород, 1994.
33. Баязитов Р.Ж., Макарихин В.П. Нижегородские татары-мишари в Новое время. Н. Новгород, 1996.
34. Мухамедова Р.Г. Указ. соч. С. 247.
35. История исламских общин Нижегородской области. С. 190, 259.
36. Акчурин М. Указ. соч. С. 172, 185.
37. Сенюткин С.Б. Указ. соч. С. 96.
38. Гацкий А.С. Нижегородские татары – татары ли? Н. Новгород, [б. г.] // Перепеч. из: Нижегородские губернские ведомости. 1886. № 39, 41, 42.
39. Исхаков Д.М. От средневековых татар ... С. 212–223.
40. Хайретдинов Д.З. Нижгары и маджары: этнические связи. К вопросу о происхождении нижегородских татар-мишарей // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2014. Вып. 26. С. 122–132.
41. Хафизов М.З. Нижегородские татары. Н. Новгород, 1997.
42. Гераклитов А.А. Алатырская мордва по переписям 1624–1721 гг. Саранск, 1936.
43. Акчурин М. Указ. соч. С. 21.
44. Там же. С. 141.
45. Там же. С. 16.
46. Хайретдинов Д.З. Мусульманская община ... С. 72.
47. Хайретдинов Д.З. Духовно-образовательные традиции нижегородских татар // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2015. № 1 (17). С. 33–41.

References:

1. Khairetdinov, DZ 2015, 'Ethnic layers of Nizhny Novgorod Tatars', *Theory and Practice of Social Development*, no. 9.
2. Iskhakov, DM 1998, *From medieval Tatars to modern times*, Kazan.
3. Senyutkin, SB 2001, *History of the Nizhny Novgorod Volga Tatars from the last third of the XVI to the early XX centuries*, Nizhni Novgorod.
4. Senyutkin, SB, Idrisov, UY, Senyutkina, ON & Gusev, YN 1998, *The history of the Islamic community of Nizhny Novgorod Region*, Nizhni Novgorod.
5. *National Cultural Heritage: Nizhny Novgorod* 2011, Kazan, Nizhny Novgorod, Moscow.
6. Senyutkin, SB 2001, *History of the Nizhny Novgorod Volga Tatars from the last third of the XVI to the early XX centuries*, Nizhni Novgorod, p. 181.
7. Mukhamedova, RG 2008, *Tatars-Mishars*, Kazan.

8. Iskhakov, DM 1998, *From medieval Tatars to modern times*, Kazan, p. 212-223.
9. Khairetdinov, DZ 2002, *The Muslim community of Moscow in XIV - the beginning of the XX century*, Nizhni Novgorod.
10. Maslennitskiy, TG 1785, *Topographical description Simbirsk governorship*.
11. Smirnov, IN 1895, *Mordva*, Kazan.
12. Mukhamedova, RG 2008, *Tatars-Mishars*, Kazan, p. 34.
13. Urazmanova, RK & Cheshko, SV (ed.) 2001, *The Tatars*, Moscow.
14. Orlov, AM 2001, *Nizhny Novgorod Tatars. Ethnic roots and historical destiny (essays)*, Nizhni Novgorod.
15. Akchurin, M 2012, 'Burtasy documents XVII century', in Gabdrakhmanova, GF, Makarova, GI & Urazmanova, RK (ed.), *Ethnological Research in Tatarstan*, vol. VI, Kazan, p. 43-48.
16. Grekov, BD (ed.) 1940, *The documents and materials on the history of Mordovia ASSR*, vol. 2, Saransk.
17. Khairetdinov, DZ 2007, 'Burtasy', in Mukhetdinov, DV (ed.), *Islam on Nizhegorodchina: words*, N. Novgorod, p. 31.
18. Fasmer, M 1967, *Dictionary of Russian language*, vol. 2, Moscow.
19. Mukhamedova, RG 2008, *Tatars-Mishars*, Kazan, p. 68, 184.
20. *The discharge book 1475-1605* 1984, vol. III, part I, Moscow.
21. Senyutkin, SB 2001, *History of the Nizhny Novgorod Volga Tatars from the last third of the XVI to the early XX centuries*, Nizhni Novgorod, p. 52.
22. Vodarsky, YE 1977, *The population of Russia at the end of XVII - beginning of XVIII century*, Moscow.
23. 'The discharge order. Moscow Area. Vol. I. 1571-1634' 1890, in Popov, NA (ed.), *The acts of the Moscow State*, St. Petersburg.
24. *Books razryadnyya, according to the official lists of add 1853*, vol. I, St. Petersburg.
25. *Books razryadnyya, according to the official lists of add 1855*, vol. II, St. Petersburg.
26. 'Antiquities Monuments Church. Nizhny Novgorod province' 1857, *Works of Archimandrite Macarius*, St. Petersburg.
27. *Materials on historical and legal area of the former Order of the Kazan Palace* 1898, vol. II, Simbirsk.
28. *Books razryadnyya, according to the official lists of add 1855*, vol. II, St. Petersburg, p. 199, 295, 360, 750.
29. Senyutkin, SB 2001, *History of the Nizhny Novgorod Volga Tatars from the last third of the XVI to the early XX centuries*, Nizhni Novgorod, p. 254, 255.
30. Iskhakov, DM 1998, *From medieval Tatars to modern times*, Kazan, p. 80-101.
31. Iskhakov, DM 2004, *Turkic-Tatar state in XV-XVI centuries*, Kazan.
32. Rusinov, ND 1994, *Ethnic past Volga Nizhny Novgorod, in the light of linguistics*, Nizhni Novgorod.
33. Bayazitov, RJ & Makarikhin, VP 1996, *Nizhny Novgorod Tatars Mishars in modern times*, Nizhni Novgorod.
34. Mukhamedova, RG 2008, *Tatars-Mishars*, Kazan, p. 247.
35. Senyutkin, SB, Idrisov, UY, Senyutkina, ON & Gusev, YN 1998, *The history of the Islamic community of Nizhny Novgorod Region*, Nizhni Novgorod, p. 190, 259.
36. Akchurin, M 2012, 'Burtasy documents XVII century', in Gabdrakhmanova, GF, Makarova, GI & Urazmanova, RK (ed.), *Ethnological Research in Tatarstan*, vol. VI, Kazan, p. 172, 185.
37. Senyutkin, SB, Idrisov, UY, Senyutkina, ON & Gusev, YN 1998, *The history of the Islamic community of Nizhny Novgorod Region*, Nizhni Novgorod, p. 96.
38. Gatsisky, AS 1886, 'Nizhny Novgorod Tatars - Tatars it? Nizhny Novgorod', From: *Nizhny Novgorod Provincial Gazette*, no. 39, 41, 42.
39. Iskhakov, DM 1998, *From medieval Tatars to modern times*, Kazan, p. 212-223.
40. Khairetdinov, DZ 2014, 'Nizhgary and Madjars: ethnic ties. On the origin of Nizhny Novgorod Tatars Mishars', *Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University NA Dobrolyubov*, vol. 26, p. 122-132.
41. Hafizov, MZ 1997, *Nizhny Novgorod Tatars*, Nizhni Novgorod.
42. Geraklitov, AA 1936, *Alatyrsky Mordvinians Census years 1624-1721*, Saransk.
43. Akchurin, M 2012, 'Burtasy documents XVII century', in Gabdrakhmanova, GF, Makarova, GI & Urazmanova, RK (ed.), *Ethnological Research in Tatarstan*, vol. VI, Kazan, p. 21.
44. Akchurin, M 2012, 'Burtasy documents XVII century', in Gabdrakhmanova, GF, Makarova, GI & Urazmanova, RK (ed.), *Ethnological Research in Tatarstan*, vol. VI, Kazan, p. 141.
45. Akchurin, M 2012, 'Burtasy documents XVII century', in Gabdrakhmanova, GF, Makarova, GI & Urazmanova, RK (ed.), *Ethnological Research in Tatarstan*, vol. VI, Kazan, p. 16.
46. Khairetdinov, DZ 2002, *The Muslim community of Moscow in XIV - the beginning of the XX century*, Nizhni Novgorod, p. 72.
47. Khairetdinov, DZ 2015, 'Spiritual and educational traditions of Nizhny Novgorod Tatars', *Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Series: History*, no. 1 (17), p. 33-41.